УДК 304.444

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА: МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Коряковцев Андрей Александрович,
Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры политологии и организации работы с молодёжью, кандидат философских наук, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Аннотация
В статье рассматривается марксистская концепция революционного рабочего класса сквозь призму кризиса современного левого движения. Автор приходит к выводу о существовании противоречия между трактовкой пролетарской революционности в классическом марксизме и пониманием ее марксистскими школами, прежде всего, ленинского этапа. Последние автор предлагает выделить в качестве просветительских теорий рабочего класса. Преодоление кризиса левых в статье увязывается с воспроизводством капиталистических отношений на основе новых технологий.

Ключевые понятия:
марксизм, рабочий класс, промышленная эпоха, кризис левого движения, коммунизм, социализм, Маркс, Ленин.

Мировое левое движение до сих пор занимается тем, что пытается воскресить революционный дух рабочего класса. При этом, правда, сам индустриальный рабочий класс отнюдь не спешит влиться в ряды левых партий, поддерживая на выборах либо правых, либо представителей сексменьшинств, феминисток, защитников природы и прочей контркультуры. К 1997 г. среди членов ФКП число рабочих сократилось до 31%, качественно этот показатель не изменился и поныне. В Испании на волне нынешних социальных протестов стихийно возникают органы прямой демократии («ассамблеи»), но левые партии из них изгоняются самими гражданами. Кризис капитализма резко увеличил число протестных акций, но не породил победоносного антикапиталистического движения и не вывел его из идейного коллапса послевоенной эпохи. По большому счету, борьба сейчас идет не столько против капитализма самого по себе, сколько за восстановление полуразрушенной неолибералами перераспределительной системы (которую можно назвать формой социализма, единственно возможной в данных общественных условиях). Это не случайно. Социалистические паллиативы послевоенной эпохи были вызваны к жизни тем, что они решали проблему массовой нищеты, по крайней мере они сделали эту проблему регулируемой.

Можно было бы на этом закрыть тему социализма как альтернативного капитализму общественного строя. Это действительно стоит сделать, если социализм понимать в духе советского «марксизма-ленинизма» как то, что можно и нужно «ввести» и «построить» в ответ на низкий материальный уровень «трудовых масс». Но, во-первых, «вводится» и «строится» не социализм как особая система социальных связей, а только конкретный социальный институт – социально-ориентированная перераспределительная система. Во-вторых, дело в том, что *не* нищета как таковая, согласно К. Марксу, является предпосылкой деятельности, преобразующей капиталистическое общество (если бы это было так, то марксизм ничем не отличался бы от бакунизма). Социальные бедствия порождают социальный протест, но чтобы он включал в себя социальную новацию, он должен быть связан с социальной практикой, созидающей качественно иные общественные отношения. Классик пишет: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, капи-

талистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание <N.B.: коммунизм понимается в данном случае К. Марксом не как действие политической партии, а как именно «естественный процесс» – А.К.>. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а *индивидуальную собственность* <выделено мной – А.К.> на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [4, с. 773].

Кооперацию *и общее владение К. Маркс трактует как достижение капитализма, ставшее основой индивидуальной собственности,* которая приходит на смену частной; индивидуальная собственность есть то, что следует *за* капитализмом. *Процессы обобществления* происходят благодаря тому, что в недрах самого капитализма складывается порождающая их общественная практика. Субъектом ее должен выступить пролетариат как класс, революционизирующий общество постольку, поскольку он включен в *непосредственно-общественное производство,* [6, с. 350] это вытекает из самого его места в общественном разделении труда. Коммунизм К. Маркс и Ф. Энгельс определяют как практическую деятельность, которая преодолевает всякую общественную и личную ограниченность: «...частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов» [2, с. 441]. «Всестороннее развитие индивидов» согласно классическому марксизму и есть положительная программа коммунистической революции.

Но, как свидетельствует история фабрично-заводского пролетариата, его место в общественном разделении труда определила и ограниченность его революционности рамками эпохи становления индустриального производства. Очевидно, что дело тут не в особом «месте» в системе разделения труда, а в самом по себе разделении труда и, стало быть, в самом *труде* как условии отчуждения. Преодоление социальной ограниченности есть преодоление этих условий. Подлинный субъект снятия отчуждения мы должны искать не в системе общественного разделения труда, а там, где она преодолевается, где исчезает сам труд. «Уничтожение труда» и коммунизм как отрицание частной собственности – это для К. Маркса стороны *одного и того же* процесса снятия социальных противоречий: «Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние,* но и как на *деятельность*, как на *труд*. Одно из нелепейших недоразумений – говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. ... Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью *только тогда* <курсив мой – А. К.>, когда оно понимается как упразднение "труда"». [5, с. 242]

Но как возможно подобное развитие в условиях разделения труда, не преодолимого в рамках индустриального производства? Не трудно заметить, что К. Маркс принимает промышленное производство за непосредственно-общественное, а фабрично-заводской пролетариат – за носителя непосредственно-общественной практики, «производящей общение». В результате мы видим противоречие между эмпирическим фабрично-заводским пролетариатом и тем, кем он должен быть, коль скоро «его цель и его историческое дело предуказывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» [1, с. 40]. Классический марксизм замкнут рамками этого противоречия и движется в них. В итоге оно развивается в противоречие между эмпирическим пролетариатом и его понятием, которое противостоит первому подобно метафизическому понятию совершенно в духе гегелевского панлогизма.

Фабрично-заводской пролетариат избегнул бы эксцессов, связанных с «грубым» коммунизмом, если бы подвергся критике как субъект отчуждения. Но откуда она могла взяться? Причем необходимо, чтобы это была именно его *самокритика*, ибо только тогда произошло бы его *саморазличение* и *самоопределение* как субъекта всеобщего освобождения. Но мог ли фабрично-заводской пролетариат стать субъектом отрицания себя как субъекта труда? Мог ли он стать субъектом *практической* критики труда? Позволяли ли ему это сделать сами производительные силы, частью которых он был?

Нет: разделение труда, соответствующее фабрично-заводскому производству, разносило отчужденный труд и освобождающую «самодеятельность» по разным сторонам общественной иерархии. Это приводило к тому, что «различие между индивидом как личностью и случайным индивидом» становилось «историческим фактом» [2, с. 71].

Не только социальные низы, но и выходцы из господствующих слоев неизбежно

приходят к конфликту со своей средой, если только осознают ее ограниченность. Человечность как рабочего, так и буржуа в одинаковой степени проявляется в той мере, в какой они превосходят свой классовый статус. Конечно, отдельные персоны из ремесленной или фабрично-заводской среды могли подняться до высот рефлексии (В. Вейтлинг и И. Дицген), но суть дела заключается в том, что они в этом случае переставали быть рабочими и ремесленниками. Своеобразно понял это В. И. Ленин, признавший, что индустриальный пролетариат не способен самостоятельно выработать социалистическое самосознание. На этом историческом факте зиждется ленинское учение о политической партии рабочего класса. Чтобы стать революционным, пролетариат должен стать объектом воздействия революционеров, которые в таком случае становятся подобными воспитателям Ж. Руссо. Но перефразируем К. Маркса («кто воспитает воспитателей?»): кто *революционизирует революционеров?* Нетрудно в подобных революционных теориях увидеть просветительскую традицию: апелляцию к разуму, только на этот раз – к разуму класса. Все они прямо или косвенно, признают, что пролетариат *не* революционен по самой своей природе, что он не может стать самостоятельным политическим субъектом. Политическая деятельность является потребностью рабочего класса, поскольку, только участвуя в ней, он удовлетворит свои классовые интересы, но она же не является потребностью эмпирических пролетариев, поскольку их жизненные, житейские цели и задачи лежат вне пределов политической сферы общества. Вот почему подобные теории (ленинизм, троцкизм, сталинизм, учение Д. Лукача, грамшианство и т.д.) необходимо выделить и противопоставить классическому марксизму как просветительские теории рабочего класса. Сам факт существования подобных теорий, исходящих из практической необходимости, говорит нам: зрелого пролетариата, которой бы сам, без посредников, мог решать свою судьбу, в промышленную эпоху не появилось. Следовательно, в эту эпоху отсутствовал субъективный фактор пролетарской революции, без которого она могла принимать только неадекватные, превращенные, паллиативные формы.

Но социальная теория К. Маркса подразумевала, что не идеи, а *интересы* житейского свойства определяют поведение людей. Пролетариат, по его мысли, должен добиться своего освобождения сам, исходя из своих интересов, а не посредством знания-разума профессионалов-революционеров, пусть даже субъективно и объективно связанных с ним. «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, *не зависящие от национальности* (курсив мой – А.К.) интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом» [3, с. 437]. Пролетариат в этом отрывке обозначен как субъект революционной практики, но отнюдь не как исполнитель чьей-либо воли. Конечно, К. Маркс проводил различие между «передовыми» и «отсталыми» отрядами рабочего класса и также занимался строительством партии. Но создаваемый им Интернационал – это организация международная, открытая, напоминающая общественное движение, нежели организацию профессиональных революционеров, противопоставляющих себя всем остальным рабочим движениям и эмпирическому рабочему классу. В этом – противоречие между просветительскими теориями рабочего класса и классическим марксизмом. Последний не мыслит революцию вне пролетариата; революция для него и есть сам пролетариат. Но суть дела в том, что этот пролетариат связан с исторически ограниченной формой общественного производства.

Таким образом, классический марксизм заявлял о себе как о «практическом материализме», но связал достижение своих конечных целей с ограниченным социальным субъектом, который не мог осознать эти цели как свои собственные, реализовать их практически. Это заставляет сделать вывод: либо эти цели не верны, либо пролетариат «не тот», им не соответствующий. Но цели коммунизма не умозрительны, они коренятся в самом процессе отчуждения труда и сводятся к снятию этого отчуждения, имеющего *всеобщий* характер. Они *всеобщи* в том смысле, что необходимость их достижения воспроизводится в потребностях каждого индивида, безотносительно к его социально-классовой принадлежности и к тому, осознает он это или нет. Тогда как социальный субъект, воспроизводящий это отчуждение как самоотчуждение, но не осознающий его, сам производит частность своих интересов, и по этой причине исторически преходящ. К тому же необходимо учитывать, что поня-

тие «пролетариат» у К. Маркса описывает не технику и не технологию, и не фабрично-заводскую технологию саму по себе, а особую ситуацию трудящегося, связанную с тем, что он находится в отношении найма и участвует в производстве капитала [4, с. 628]. Эти отношения воспроизводятся и в нашу эпоху уже в рамках иных, «когнитивных» средств производства, что говорит о том, что в данных условиях формируется новый субъект отчуждения и его отрицания. Другое дело, что процесс его становления пока не завершен; общество переживает период классообразования. Только этим можно объяснить парадокс, состоящий в том, что объект социальной критики ныне очевиден (отчуждение, описанное в художественной, философской и научной литературе), а его субъект (он же и субъект его практической критики) представляется отсутствующим.

Идея о новом субъекте революционных преобразований не нова. Проблема в том, что часто авторы просто переносят схемы *просветительской теории рабочего класса* на современную эпоху. Тогда как, согласно марксистской методологии, перспективы социальных преобразований необходимо выводить из новых форм общественного разделения труда, рождающихся в недрах капиталистического способа производства на основе новых технологий.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Соч. Т. 2. С. 3-230.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 7–544.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. С. 410-459.
4. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. 907 с.
5. Маркс К. О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 228–258.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-61 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2 // М.: Политиздат, 1980. 619 с.

1. Marks K., Jengel's F. Svjatoe semejstvo // Soch. T. 2. S. 3-230 (Russian).
2. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 3. S. 7–544 (Russian).
3. Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoj partii // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 4. S. 410–459 (Russian).
4. Marks K. Kapital. T. 1 // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 23. 907 s. (Russian).
5. Marks K. O knige Fridriha Lista «Nacional'naja sistema politicheskoj jekonomii» // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 42. S. 228–258 (Russian).
6. Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857-61 gg. (Pervonachal'nyj variant «Kapitala»). V 2-h ch. Ch. 2 // M.: Politizdat, 1980. 619 s. (Russian).

UDC 304.444

REVOLUTIONISM OF WORKING CLASS: MARXIST THEORY AND MODERN REALITY

Koryakovtsev Andrey Aleksandrovich,
Ural State Pedagogical University,
Associate Professor at the Chair of Political studies and Youth Networking,
Candidate of Science (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Annotation
The article examines Marxist concept of revolutionary working class through the lenseof crisis of modern left movement. The author comes to the conclusion that there is a contradiction between proletarian revolutionism concept in classic Marxism and its interpretation by Marxist schools particularly of Lenin period. The author suggests making those educating theories of working class. The article connects overcoming the crisis of the left movement with reproducing capitalist relations based on new technologies.

Key concepts:
marxism, working class, industrial era, crisis of the left movement, communism, socialism, Marx, Lenin.